

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ (МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ, ПЕРЕОЦЕНКА ФАКТОВ)

**РОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
18–20 НОЯБРЯ 1998 г.**

I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИКО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

М. П. Рачков
д.э.н., профессор (г. Иркутск)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ В ИГЭА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ

Региональный центр научных исследований экономической истории России (РЦНИЭИР), объединивший усилия историков и экономистов Иркутской государственной экономической академии и Читинского института ИГЭА, выработал ряд позиций по важнейшим вопросам методологии и теории экономической истории России, с которыми хотелось бы познакомить участников столь представительной научной конференции.

Предмет экономической истории как науки включает в себя:

- историю экономики, т. е. объективный процесс экономического развития, как он предстает перед исследователем в реально осуществленных исторических формах;
- историю экономической политики как выражения экономических потребностей в процессе общественного управления, представляющем собой борьбу возможных вариантов и реальных тенденций экономического развития в тот или иной исторический период;
- историю экономической мысли как отражения в общественном сознании экономической истории в целом. При этом историю экономической мысли надо рассматривать на двух уровнях: на уровне теорети-

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ...

ческого сознания (в этом случае ее следует называть историей экономических учений) и на уровне обыденного сознания различных общественных групп и отдельных индивидов (на этом уровне история экономической мысли совершенно не изучается, но мы уверены, что со временем возникнет целая отрасль экономической истории — историко-экономическая социология).

Все три части, вместе взятые, есть один историко-экономический процесс, следовательно — целостный предмет научных исследований, требующий разработки единого подхода к пониманию взаимосвязи его сторон и общей логики развития. Отсутствие теоретической концепции экономической истории России не позволяет по-настоящему сделать ее (экономическую историю) предметом научного изучения.

Хронологически-описательный метод остается пока единственным, к которому прибегают отечественные историки-экономисты (первая, вторая половины такого-то и такого-то веков; ранжировки экономистов по рядам: экономисты первого, второго и т. д. ряда). Но этот метод есть, строго говоря, донаучный метод познания, подобно тому, как арифметика есть элементарная предпосылка научного познания количественных закономерностей. Называя этот метод «донаучным», мы вовсе не умаляем его значения в историко-экономических исследованиях. С его помощью добывается и готовится необходимый материал для теоретически упорядоченного знания. Мы восхищаемся подвигом представителей немецкой исторической школы (Г. Шмоллер и др.), которые сознательно подвергали себя каторжному труду наблюдения и описания хозяйственных явлений в процессе их возникновения и развития, будучи убежденными в том, что час для широких теоретических обобщений в экономической науке еще не настал.

Теоретически-концептуальный метод исторического исследования, действительно, возникает не сразу, а по мере накопления и описания обширного материала и длительного осмысления его. Если верно, что история развивается по гегелевской формуле «тезис — антитезис — синтез», т. е. предполагает в каждом историческом цикле два перехода к новым формам общественного развития (от тезиса к антитезису и от антитезиса к синтезу), то теория истории не может сформироваться до тех пор, пока не обнаружится второй переход, выражающий связь настоящего с будущим, и научная мысль, столкнувшись с необходимостью понять этот переход, не обратится к анализу первого перехода, характеризующего связь настоящего с прошлым. Только таким образом прошлое, настоящее и будущее исторического процесса могут «замкнуться» в той или иной концепции теории истории. При этом самый процесс разработки теории истории может представлять собой лишь форму гипотетического исследования — до того времени, пока будущее не сделается «ставшим» и не подтвердит истинность теории в ее законченности.

В основу рабочей гипотезы для выработки теоретической концепции экономической истории России мы предлагаем положить то, что признается сегодня бесспорным, а именно — что Россия является особым видом цивилизации, доказавшим миру свою способность подниматься до уровня европейских народов. И задача состоит в том, чтобы определить крупные этапы исторического развития этого вида мировой цивилизации, взяв за

критерий его формационного членения *изменение экономической роли российских городов*. Институт городов является общим признаком всех цивилизаций. Ни один вид цивилизаций никогда не существовал и не может существовать без искусственно выделенных из природной среды рекреаций, в которых аккумулируется истинно человеческая культура, связанная с умением проектировать и создавать условия общественной жизни. Архитектура, т. е. искусство проектировать и строить городские здания, с самого начала отличала человека, совершавшего изумительный переход к цивилизации от варварского существования его предков.

До возникновения первой ступени российской цивилизации, т. е. до возникновения на Руси городов, восточные славяне вели примитивную обработку земли, сочетая ее с присваивающими формами лесного и речного хозяйства. Не будучи объединенными, они становились жертвами бесчисленных набегов чужеродных воинственных племен с северо-запада и юго-востока. В сложнейших климатических и географических условиях славянская белая раса смогла заложить основу своего цивилизационного развития в виде нескольких сотен уникальных русских городов, позволивших ей в конце концов избавиться от порабощения со стороны иноземцев. Города стали центрами собирания и охраны русских земель, условиями стабильного *аграрного* развития России на протяжении нескольких веков. Но эти же города, выполняя свои особые функции (духовно-объединяющую, военно-защищающую и административно-централизующую) и не имея такого источника экономического развития западноевропейских городов, как внешняя торговля промышленными изделиями, обусловили и совершенно особую форму экономического развития нашей страны — форму общинно-крепостного хозяйства при строжайшей системе власти городов над деревней.

Российские города были, по классификации М. Вебера, по преимуществу городами-потребителями. Их экономика строилась на потреблении земельной ренты, благодаря чему они могли выполнять свои особые функции и развивать образцы русской и мировой культуры, цивилизацию Москвы и Петербурга. Сложившаяся окончательно при Петре I и Екатерине II *аграрно-городская формация* создавала России прочное положение евразийской державы до тех пор, пока она не стала частью мирового рынка с его законами — мирового ценообразования, накопления мирового капитала, присвоения мировой земельной ренты и др. Уже в первой четверти XIX в. было ясно, что *аграрно-городская формация* должна быть заменена *промышленно-городской формацией* в силу изменившихся внешних обстоятельств.

Для этого требовалось принципиально изменить роль российских городов, которые из городов-потребителей должны были превратиться в города-производители, в *промышленные центры*, определяющие новое качество развития российской цивилизации. Альтернативой этому был бы полный упадок российских городов, превращение русского сельского хозяйства в придаток западноевропейских городов, а России в целом — в колонию индустриальной Европы. Пожалуй, никто не выразил опасность такой альтернативы лучше, чем министр финансов Николая I Е. Ф. Канкрин, который долгие годы противился индустриализации России. На страницах своей предсмертной книги «Die Oekonomie» он писал (в

1845 г.): «...будучи как бы селом чужого города, она (Россия. — М. Р.) страдала бы и в сфере самой цивилизации — в росте городов, этих центров ближайшего потребления земледельческих продуктов, в силе и значении, короче сказать, оставалась бы в положении некоего рода варварства, — это, конечно, было бы небольшое, быть может, еще "несчастье", если бы и другие нации были в одинаковом положении; но великое "зло" в случае столкновения с нациями высоко цивилизованными». Крымская война 1853–1856 гг. полностью подтвердила справедливость этих слов.

Русская политико-экономическая мысль блестяще отразила необходимость, сложность и вариантность перехода от аграрно-городской к промышленно-городской формации в проектах индустриализации России Н. С. Мордвинова и П. И. Пестеля, в разработках реформы 1861 г. (В. А. Черкасский и др.), в нравственном восприятии этого перехода русскими анархистами (М. А. Бакуниным и его последователями). Видимо, не случайно, что в России была предпринята и первая попытка создания экономической теории цивилизации (А. К. Шторх).

Обращение к истории экономической политики и экономической мысли России, отразившей первый формационный переход в развитии российской цивилизации, становится особенно актуальным сегодня, когда Россия стоит на пороге второго перехода, переживая всеобщий кризис промышленно-городской формации и мучительно выбирая общественно-экономическую форму своего развития в XXI в. Ее многочисленные города, выросшие на основе индустриальной экономики, с характерными для нее формами накопления капитала за счет сельского хозяйства и жесткого прикрепления рабочих к машинным технологиям, почти полностью исчерпали возможности своего прогрессивного развития. Их промышленность не выдерживает международной конкуренции, ставит под угрозу судьбу рабочих, отравляет окружающую среду. Политическая борьба за сохранение любой ценой этой промышленности является губительной для будущего России, подобно тому, как губительной была политика охранителей крепостного сельского хозяйства в XIX в.

Только переход к *постиндустриально-городской формации*, в которой промышленность из основной сферы городской жизни превращается в элемент, занимающий все меньше и меньше городского пространства и времени, а приоритет отдается накоплению человеческого капитала, научным и другим видам интеллектуальной деятельности, способен сохранить Россию как мировую цивилизацию.

Есть ли у нее для этого реальные возможности? Думается, да. Во-первых, Россия может перейти к постиндустриальному обществу, потому что в ней (в отличие, например, от Китая) уже преобладают городские формы жизнедеятельности. Россия относится сегодня к самым городским странам мира: горожане составляют 73 % ее населения. Даже если согласиться со скептиками в том, что большинство наших городов представляют собой лишь внешние предметно-территориальные формы без адекватной им по содержанию городской культуры, то и в таком своем качестве 1059 городов России являются *материальной основой* для дальнейшего развития цивилизации. Во-вторых, у нас имеется и *экономическая основа* перехода к постиндустриальному обществу. Выбор Россией пост-

индустриального пути развития позволит сэкономить значительную часть запасов сырья и энергии, необходимых еще мировому хозяйству, и — *благодаря этой экономии* или под гарантию этой экономии — получить капиталы для постиндустриальной модернизации всей городской жизни.

Российские города как бы снова станут городами-потребителями, присваивая земельную ренту за счет разумной торговли природными ресурсами и направляя ее на развитие информационно-экологических технологий и *духовного производства*. Подлинная экономическая история, отражающая цивилизационный прогресс, не есть история развития только материального базиса общества, она охватывает жизнь всего общества в единстве и базиса и надстройки, и материального и духовного производства или, точнее, всю культуру общества, развивающуюся на принципе экономии низших форм человеческого деятельности в пользу высших ее форм.

Такова *новая концепция* экономической истории России, предлагаемая в порядке первого приближения. Эта концепция *органически соединяет цивилизационный и формационный подходы к анализу исторического процесса*. Она берет стержневой институт цивилизационного развития — города, рассматривая их во взаимосвязи с господствующими системами хозяйства (аграрной, промышленной, информационной). В рамках данной концепции удастся преодолеть доставшиеся нам в наследство от марксистской традиции «измы» («феодализм», «капитализм», «социализм»), которые вносят в последнее время лишь путаницу в реальную градацию экономической истории.

Эта концепция, далее, служит методологической основой для формулирования *«российской идеи»*, ибо позволяет вывести данную идею из логики экономической истории, а не из схоластических рассуждений. «Российская идея» в современном ее значении видится нам в теоретическом обосновании перехода от промышленно-городской к постиндустриально-городской формации с привлечением и обобщением исторического опыта перехода от аграрно-городской к промышленно-городской формации во второй половине XIX в.

Этот опыт, в частности, показывает, что формационные изменения в России объективно должны были начинаться позднее, чем на Западе, в силу того, что российский вид цивилизации является более молодым, чем западноевропейский. Однако осознание необходимости формационных изменений русской научной мыслью происходило с некоторым опережением экономического развития страны — благодаря наблюдению за формационными изменениями в лидирующей цивилизации и оценке реальной угрозы, которую эти изменения представляли для России с точки зрения внешней безопасности. Проблема экономического реформирования, обеспечивавшего формационный переход, возникала в России, таким образом, раньше, чем для него (реформирования) складывались объективные внутренние предпосылки. Если брать соотношение внешних и внутренних факторов развития России (всегда склоняющееся в пользу внешних), то *своевременные реформы* для нее — это, как правило, преждевременные реформы, решиться на проведение которых непросто.

И не случайно, что реформы в России, призванные обеспечить глубокие формационные изменения, вместо того, чтобы быть своевременными (т. е. *преждевременными* в вышеизложенном смысле), всегда

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ...

оказывались запоздалыми. Запоздалыми с точки зрения мирового развития. Такой запоздалой реформой была реформа 1861 г., несмотря на то, что она была тщательно продумана и всесторонне подготовлена. На ее реализацию отводилось 49 лет, за которые Запад уходил еще дальше. Догнать его можно было, совершая «большой скачок» в индустриализации. Поэтому с самого начала реформа породила своих непримиримых оппонентов в лице революционных народников и закончилась в конце концов чрезвычайными мерами советского государственного капитализма, завершившего грандиозный переход России от аграрно-городской к промышленной городской формации.

В этом была своя закономерность. Чем больше запоздалая реформа «пожирала» исторического времени, тем интенсивнее должно было быть использование «остатков» его для достижения намеченной цели, тем «необычнее» и «чрезвычайнее» должны были быть действия политиков и народных масс. Это не оправдание кровавой вакханалии большевиков в годы ускоренной индустриализации и коллективизации. Нет. Хотя вопрос о вине с точки зрения истории рассматривается несколько иначе, чем с точки зрения этики. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что в российской драме XX века виновны прежде всего самодержцы Александр I и Николай I. Провели они в свое время реформы, предлагавшиеся Н. С. Мордвиновым и П. И. Пестелем, не было бы ни революционных потрясений 1905, 1917 гг., ни большевистского социализма. Именно в годы их царствования завязывался «солженицынский» узел истории, развязывать который пришлось Ленину и Сталину.

Распутав один, большевики завязали другой, еще более запутанный узел, оставленный в наследство XXI веку. Суть этого узла состоит в следующем. После того как к середине XX столетия было преодолено формационное отставание от передовых цивилизаций, в России начался мощный процесс инерционного развития промышленно-городской формации, тогда как Запад приступил к новому формационному переходу. Тем самым была заложена основа очередного отставания.

К чести русской научной мысли, философом-эмигрантом Б. П. Вышеславцевым впервые, в 1953 г., был поставлен вопрос о «кризисе индустриализма» на Западе и в России и о поиске выхода из него. Позднее американцы Д. Белл и А. Тоффлер на весь мир объявили о начале нового формационного перехода, назвав «постиндустриальным» или «супериндустриальным» общество, идущее на смену промышленно-городской формации. Эта идея сделала господствующей на Западе и стала воплощаться в конкретную экономическую политику «буржуазных» правительств. «Коммунистическое» же правительство в Советском Союзе осталось равнодушным к ней.

Только во второй половине 80-х гг. правящие круги СССР решились начать реформу всей хозяйственной системы, но национальная экономическая теория находилась в таком жутком упадке, что разработать проекты экономической реформы без помощи иностранных советников не представилось возможным. Советники же «советовали» продолжать путь индустриально-сырьевого развития при финансовых вливаниях с Запада. Не многие из ведущих российских политиков понимают сегодня необходимость перехода России к постиндустриально-городской формации. Самой же

теории этого перехода до сих пор нет, и наша задача (регионального центра) — внести посильный вклад в ее создание.

В основу доклада положены публикации автора: Новая концепция экономической истории России // Вестник Иркутской государственной экономической академии. 1997. № 11; Теоретические параметры изучения формационных изменений в экономической истории России // Там же. 1998. № 14.

В. М. ЛЕВЧЕНКО
к.и.н., профессор (г. Иркутск)

ФЕНОМЕН ГОРОДА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Важность рассмотрения состояния современной исторической науки, ориентированной на познание прошлого в единстве его культурных и социальных процессов именно на материале исследований, посвященных городу, определяется рядом причин. Прежде всего, той ключевой ролью, которую играет город как пространственная, хозяйственная, социокультурная среда обитания, как одна из основных форм общественного существования человека в цивилизационных процессах и всемирно-историческом развитии в целом.

Город — феномен исторический: его социокультурное содержание и его функции не оставались неизменными, равно как и формы урбанизма, изменявшиеся по мере смены исторических эпох и цивилизаций. Город не только менялся сам в ходе цивилизационных процессов, но и воздействовал на динамику их движения. Именно в силу этой его природы и роли в развитии цивилизаций проблема города выступает как одна из фундаментальных проблем науки и прежде всего — исторической. Исследования в этой области так или иначе сопряжены с рассмотрением актуальных задач исторического познания в целом.

Уже в древних скандинавских хрониках Киевская Русь называлась Гардарикой — страной городов. К 1238 году их насчитывалось около трехсот. Большинство из них выросло на торговых путях, соединявших Византию, страны Востока и Западной Европы. Киев контролировал бассейн Днепра, Полоцк — Западной Двины, Новгород — водораздел между Волгой и реками северо-западной Руси — Ловатью, Волховом и Невой.

Ослабление торговых связей под ударами кочевников и смещение межконтинентальных торговых путей в Средиземноморье выдвинуло группу городов в интенсивно осваиваемых землях Волго-Окского междуречья, куда после монгольского нашествия сместился основной ареал расселения. Это был Ростов Великий, Суздаль, Переславль, Владимир. На юго-востоке этот ареал окаймляли города-крепости, принимавшие на себя удары золотоордынских экспедиций — Брянск, Тула, Кашира, Коломна, Рязань.